

Л. Л. САБАНЕЕВ

Мои встречи с Ник. Фед. Федоровым

В конце прошлого века я — тогда еще студент университета — часто посещал библиотеку Румянцевского (ныне Ленинского) музея в Москве, иногда почти ежедневно: в [те] годы я любил много и сильно «рыться» в книгах. Там мое внимание почти сразу привлек один из служащих — старик невысокого роста, с могучим лбом мыслителя, который еще увеличивался от лысины. У него был облик запечатлевающийся: он был похож на пророка Елисея, как его рисовали в учебниках «Закона Божия». Грива седых и курчавых волос увенчивала его голову, у него были страшные глаза и густые седые брови, придававшие ему грозный вид, несмотря на то, что одет он был хотя чисто, но до чрезвычайности бедно. Он ведал каталогом библиотеки. Звали его все просто Николай Федорович. Фамилии я долгое время вовсе не знал, да и не интересовался ею. Свои обязанности заведующего каталогом и искателя книг (тогда все библиотеки еще были первобытны по технике) он выполнял с огромным рвением, несмотря на преклонный возраст. Видимо, он любил свое занятие.

Очень возможно, что я бы никогда и не узнал о нем ничего, если бы не... Лев Николаевич Толстой. В те годы моего студенчества Л. Н. Толстой сравнительно часто заходил к моей матери, вел с ней какие-то таинственные разговоры на чуждые мне тогда религиозные темы и когда я как-то в разговоре с ним проговорился о моих посещениях библиотеки Румянцевского музея, то он сразу, как я помню, сказал мне:

«Обратите внимание на библиотекаря — старика — Федорова (тут я в первый раз узнал его фамилию). *Это самый удивительный человек, которого я встречал в жизни. Это настоящий святой*».

Потом он добавил: «Поговорите с ним — вам будет интересно — такие люди рождаются раз в тысячелетие, пользуйтесь случаем. То, над чем я работаю всю жизнь, он делает с легкостью, как дышит» (я точно запомнил его слова).

После такой действительно, можно сказать, авторитетной рекомендации я решил внимательнее присмотреться к грозному старцу и постараться вызвать его на разговор. Вообще он замкнут и не разговорчив, но у меня был хороший шанс начать с ним разговор. Я начал так мою атаку на пророка Елисея, как я его про себя называл. Я просто ему сказал: «Николай Федорович! Мне — про вас много (это было не совсем точно) говорил Лев Николаевич Толстой».

Он грозно на меня взглянул.

— А вы знакомы?

— Да — отвечаю, — мы знакомы семьями.

Я думал, что Николай Федорович спросит меня, что же мне об нем говорил Толстой. Но он ничего не спросил и сам сказал:

— Толстой — ум великий, но слепой: он не видит божественного откровения в науке.

Видимо, он уже счел, что со мной, хотя мне было 19 лет, можно серьезно разговаривать, раз Толстой разговаривал. И он прибавил к пояснению своей мысли:

— Бог давал людям откровение через пророков, когда они были еще детьми в науке. Теперь он дает откровение через науку. Теперь роль пророков выполняют ученые!

В те годы мое мировоззрение было очень далеко от пророков и божественных категорий — тогда я был правозерным научным позитивистом. Но должен признаться, что оригинальный и видом, и высказываниями старик меня в значительной мере заинтересовал, и я решил хотя бы немного познакомиться с его мировоззрениями, тем более что он оказался сразу каким-то необычайно обаятельным и милым и сам, видимо, хотел с кем-нибудь делиться своими мыслями. Так в каталожной музее мы беседовали довольно часто, всегда урывками, но всегда очень содержательно, причем вся его декоративная грозность исчезла. Раз он даже повел меня к себе — жил он в каморке, питался кое-как, спал на жестком сундуке. Получал какие-то гроши в месяц и половину их раздавал нищим. «Они еще беднее меня», — говорил он. Теперь я понял, что хотел сказать Толстой, когда произнес фразу, что «то, над чем я работаю всю жизнь, он делает как дышит», — он имел в виду ту трудность, с которой ему, Толстому, давалось отречение от благ мира. Выражаясь точно, оно ему вовсе не давалось. А у Федорова было как бы естественное отправление организма — он все раздавал, ему лично ничего не надо было. Я помню, что когда я рассказал об этих моих разговорах матери, то она немедленно собрала какие-то старые вещи, чтобы ему отдать. Конечно, все будет совершенно анонимно. Но из этих вещей он ухитрился большую часть передать «тем, кто беднее его». Он был действительно святой и, как Христос, любил детей, наивно, просто, покупая для них «конфетки». Этим он, на-

верно, и импонировал Толстому, которого Скрябин жестоко и метко как-то прозвал «бездарным праведником».

Он мне прочитал кое-что из своих рукописей. Не могу сказать, чтобы мне тогда все его построения и мечтания импонировали — я был совершенно в другой плоскости. Общим было едва ли не одно преклонение перед наукой, но и тут была разница: я склонялся исключительно к науке отвлеченной, познавательной — он же к практической технической, которая способна изменить человеческую жизнь и производить «научные чудеса», «побеждать природу».

Мне казалось, что к природе он был вообще совершенно равнодушен и представлял ее себе как враждебную, грубую силу, которую надо покорить и ею овладеть. Тут же он меня посвятил в свое центральное учение о воскрешении предков, научная операция, подобная лечению, — «предки будут вылечены от смерти, которая есть тоже не что иное, как болезнь». Один раз мимоходом он бросил даже такую мысль, что и Бог, как Отец всех отцов, должен быть воскрешен, ибо и Он в данный момент для человечества умер¹, и мир предоставлен враждебным силам природы, которые надо покорить силой науки. И в этом и есть предназначение человека в мироздании.

Я с ним не спорил — предпочитая слушать. Тем более что мне было 19 лет², а ему 72 — он был точно ровесник Льва Толстого³. Но пророк и проповедник в нем жил, и он, видимо, с удовольствием беседовал со мной, тем более что я предпочитал спрашивать, но не возражать. Таким образом я мог составить себе более или менее ясное представление о его идеях и планах. <...>

